

В.В. Колесов. Язык города. М., "Высшая школа", 1991, 192 с.

Б.А. Ларин уже в 1926 г. обратил внимание лингвистов на необходимость изучения языка города. Через два года он определил и конкретные задачи "лингвистической характеристики города".¹ Однако, необходимая и запоздавшая, по его мнению, "научная разработка языкового быта города" тогда не осуществилась, работа была прервана, и только через несколько десятилетий она была возобновлена уже другими лингвистами. Обращение к "живой" речи, точнее к устной реализации литературного языка, стало наблюдаться в конце 50-х годов, когда с помощью современных технических средств стало возможной фиксация звучащей устной речи, и на основе записей удалось научно обработать полученный речевой материал. Сегодня мы можем сказать, что благодаря усилиям коллектива Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, саратовским и другим ученым, мы имеем всестороннее лингвистическое описание русской разговорной речи. В этих работах исследуется речь горожан (жителей Москвы и Ленинграда), имеющих в большинстве случаев высшее образование, следовательно, владеющих нормами литературного языка. Не желая умалять значения вышеупомянутых работ, следует заметить, что в поле зрения этих учених, по их строгим критериям, входит лишь определенная часть того огромного и сложного конгломерата, который и составляет "язык города". Авторами сборника "Городское просторечие" (М., 1984.) изучена как раз та часть городской речи, которую обходят вниманием исследователи разговорной речи.

В восприятии автора рецензируемой книги "язык" — это устно-речевая стихия, а "город" — это Петербург XVIII, главным образом XIX в., а также частично Петроград, Ленинград XX века. Исключение представляют глава о старомосковской речи, в которой говорится о ее роли в становлении литературного языка, и глава "Значение звучания", где сопоставляется московское и петербургское произношение, и отмечается разница в ударениях.

Когда мы читаем новую книгу В.В. Колесова, перед нами вырисовывается картина "речевой жизни" Петербурга. Мы слышим голоса офицера, торговца, барышни, даже вора. В.В. Колесов не

¹ См. об этом работы Б.А. Ларина "О лингвистическом изучении города" и "К лингвистической характеристике города" в кн.: Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., "Просвещение", 1977, с. 175—189; с. 189—200.

знает социальных, а также временных преград. В это многоголосие включаются не только представители разных сословий, но и "отцы" литературного языка, Карамзин, Державин и др., и ставшие позже "образцами" нормативной литературной речи Пушкин, Толстой и др. Не лишены слова и консервативные защитники чистоты речи, напр., А.С. Шишков, Я.К. Грот и др. Читатель становится свидетелем борьбы слов, высоких и грубых, просторечных и изысканных, остроумных и пошлых за право попасть в основной фонд "апробированных" (не цензорами, а речевой практикой и литературными текстами), полноправных литературных слов. Читая книгу, часто удивляешься, какой тяжелый путь должны были пройти некоторые слова, столь привычные и общеупотребительные в наши дни. Автор данной книги, описывая эту своеобразную многоголосицу, стремится уловить в семантических трансформациях, в исчезновении и возрождении слов те типичные тенденции, которые определяли общий процесс становления русского литературного языка.

В большинстве глав рецензируемой книги описываются особенности речи разных слоев общества, напр., дворянства, чиновников, мещан и пр. "Социальный принцип" описания языка Петербурга прерывают такие главы, в которых автор рассказывает о судьбе отдельных слов, употребление которых не закреплено за тем или другим социальным слоем, история которых однако заслуживает внимания. В этих главах, по существу в миниатюрных рассказах, говорится о "противоборстве" слов, как, напр., *калоши—галюши*, *буханка—булка*, *инфлуэнца—инфлюэнция—хрип—грипп*, о возникновении устойчивых словосочетаний, как, напр., *белые ночи*. В этих "новеллах" становится особенно очевидной способность автора к тончайшему семантическому анализу отдельных слов, с особой яркостью обнаруживаются здесь его огромные знания и, не в последнюю очередь, его чувство юмора. (К счастью, это его качество, его тонкая ирония проявляется и в других главах.) В главе "Женская речь" социальный принцип дополняется биологическим. Кстати, о речи петербургских женщин мы находим мало лестных слов. Они "обвиняются" в чрезмерном употреблении частиц, междометий, в злоупотреблении уменьшительно-ласкательными суффиксами, что мы не отрицаем; конечно, а скорее считаем и до сего дня актуальным. Однако в книге мы находим и более тяжкие обвинения...

Из небольших главок книги мы получаем очень важные и интересные сведения о специфике устной речи разных социальных групп. На наш взгляд, было бы более целесообразно, если бы этот термин употреблялся в книге более последовательно, и более

четко разграничивались термины "устная речь" и "разговорная речь". Дело в том, что с термином "разговорная речь" настолько сраслось определение Е.А. Земской, согласно которому разговорная речь — это неподготовленная, непринужденная речь носителей литературного языка, обнаруживающаяся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях,² что употребление В.В. Колесовым термина "разговорная речь" в слишком широком плане, часто вместо термина "устная речь" (напр. с. 188–189), может привести к смешению терминов.

Внимание автора направлено главным образом на лексические особенности городской речи. Лексика же является наиболее изменчивым пластом национального языка. Заметим, что эти изменения более легко улавливаются исследователями прошлого, чем, напр., фонетические и синтаксические изменения устной речи. Особенности лексики посвящено немало работ. У одних авторов доминирует стилистический подход (Ю.А. Бельчиков, Е.Ф. Петрищева), у других — лингвострановедческий аспект (напр. А.А. Брагина), порой сугубо лингвистический (Е.А. Земская), другой раз выходят на первый план популяризаторские стремления, явно дидактические цели. (Мы имеем здесь в виду книги, занимающиеся вопросами культуры речи.) В числе этих работ новая книга В.В. Колесова, вышедшая в 1991 г., выделяется своим историческим аспектом, меткими лингво-социографическими рисунками, тонким анализом языковых явлений прошедших веков. Автор данной книги, опираясь на богатый лексический материал, взятый из старых мемуаров, писем, словарей и пр., создает не только пеструю картину петербургских "говоров", но мимоходом он рисует и быт, образ мышления простых и эрудированных людей. Перед нами книга, которая повествует не только о судьбе разнородных слов, но помимо этого и о "языковых нравах", короче, она знакомит нас с историей очень важного пласта русской культуры.

Хочется заметить, что в случае переиздания книги целесообразно было бы в последовательности глав придерживаться более строгого принципа и выделить в отдельную часть главы, где анализируются отдельные или противоборствующие друг с другом слова.

Рассматриваемая работа может представить интерес для всех, кто изучает лексический запас русского языка, историю литературного языка. Мы рекомендуем ее людям, интересующимся вопросами культуры речи, всем филологам-русистам, и поскольку

² См. подробнее в кн.: Е.А. Земская. Русская разговорная речь. М., "Наука", 1973, 5–17.

книга лишена всякого отвлеченного теоретизирования, книгу можно предложить вниманию любителей языковых тонкостей, ценителям экскурсов — порой забавных — в историю современного русского языка. Симпатию читателей должна вызвать эта книга не только своим содержанием, но и забавными рисунками, также удачно подобранными эпитафиями, расположенными под рисунками в начале каждой главы.

К. Куглер

Л.Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., "Наука", 1990, 168 с.

Рецензируемая монография, в которой предлагается формальное описание основных типов синтаксического согласования, действующих в современных текстах нейтрального стиля на русском языке (в первую очередь, в научно-технических текстах), состоит из введения и пяти глав. В конце книги даются еще условные обозначения, сокращения и использованная литература.

Во "Введении" Л.Л. Иомдин поясняет, что побудило его обратиться к традиционным проблемам согласования. Прежде чем приступить к формулировке правил этого явления, связанной с работой над синтаксическими компонентами систем машинного перевода, было необходимо сначала четко очертить круг релевантных фактов. Между тем составить перечень синтаксических конструкций, в которых имеет место согласование того или иного типа, не так просто, как это ожидается в случае, когда лингвист рассматривает традиционные и, казалось бы, достаточно изученные вопросы. Ведь вместе с синтаксическими конструкциями, в которых наличие и характер согласования не вызывают никаких сомнений, в языке существует много пограничных случаев, допускающих принципиально различные трактовки. Поэтому автор выбрал путь, суть которого заключается в том, чтобы наметить, хотя бы в общих чертах, теорию синтаксического согласования и только после этого переходить к разработке формального описания.

В рецензируемой книге используется ряд теоретических